

Из истории подготовки научных кадров в России

Известный русский ученый-социолог П.А. Сорокин в своей книге «Долгий путь» поделился воспоминаниями о системе подготовки молодых ученых к профессорскому званию в дореволюционной России. Некоторые моменты этой книги представляют интерес и сегодня. (Ред.)

*

*

*

Приготовление к профессорскому званию в русских университетах в предреволюционный период во многом соответствовало аспирантуре в американских заведениях. От молодых ученых в России, оставленных для подготовки к профессорскому званию, не требовалось ходить на лекции и семинары, сдавать какие-либо экзамены или выполнять курсовые работы. Им было необходимо лишь сдать устный экзамен на степень магистра.

По меньшей мере 99 процентов всех кандидатов на звание профессора должны были вначале сдать этот устный экзамен, а затем представить и успешно защитить магистерскую диссертацию, после того как специальная комиссия уважаемых специалистов-профессоров нескольких университетов допускала их к защите. Только в очень редких случаях, когда выходящий на защиту магистерской диссертации ученый уже был хорошо известен, ему иногда присваивали сразу степень доктора, руководствуясь его значительными достижениями и выдающимися результатами и важностью его диссертационной работы. Так случилось с великим русским философом Владимиром Соловьевым, со знаменитым статистиком и методологом науки А. А. Чупровым и с выдающимся специалистом по экономической истории Петром Борисовичем Струве. За этим небольшим исключением все остальные соискатели профессорства должны были успешно выполнить означенные требования на степень магистра.

Получив степень, любой магистр мог поступить в любой университет в качестве приват-доцента и вести любой лекционный курс или семинар в своей области, в том числе и конкурирующий или дублирующий курсы, читаемые ординарными профессорами.

Зарплата лекторов из числа приват-доцентов была много ниже, чем у ординарных профессоров. Но если приват-доцент был выдающимся ученым и популярным лектором, он часто имел больше студентов, записывающихся на его курс и, соответственно, больший доход, чем у менее знаменитого полного (ординарного) профессора. Точно так получилось с приват-доцентом М. Туган-Барановским и профессором Георгиевским в Санкт-Петербургском университете. Оба они читали параллельные курсы по политической экономии, но число студентов, записывавшихся на курс Туган-Барановского, было во много раз больше, чем у Георгиевского. Их доходы также различались соответственно. В конце концов, талантливый приват-доцент получил должность то ли экстраординарного, то ли ординарного профессора. Говоря в общем, честная конкуренция в научном творчестве играла более важную роль в российских, нежели в американских университетах.

Из-за более жестких требований к кандидатам на степень магистра, чем к будущим докторам философии в Америке, большинство русских профессоров имели только магистерскую степень. Степень доктора при-

суждалась лишь выдающимся профессорам, чьи диссертации имели гораздо большее научное значение, чем рядовые магистерские тезисы. Диссертации на обе степени обязательно представлялись в виде значительных по объему опубликованных работ. Устный экзамен не предусматривался для докторской степени.

После моего назначения на подготовку к профессорству, преподаватель криминального права Н. Розин дал мне список из примерно пятисот названий русских и зарубежных трудов по криминологии. Профессор А. Жижиленко вручил мне подобный список из 250 работ по уголовно-процессуальному законодательству, профессор Н. Лазаревский добавил примерно 150 названий по конституционному праву. Некоторые из этих трудов, как, например, немецкий «Vergleichende Parstellung» по криминальному праву и процессу (подготовленный известными немецкими профессорами для нового проекта уголовного кодекса Германии), состояли из почти сотни солидных томов. Передавая мне списки литературы, профессор говорил, что я должен показать хорошее знание этих работ, чтобы успешно сдать экзамен на магистра. Их не интересовало, как я буду овладевать этой массой знаний, но овладевать ими я должен. Если время от времени мне понадобятся консультации с ними или другими преподавателями, я могу рассчитывать на их помощь. Вот эти-то списки с такой очень короткой инструкцией и представляли собой все требования к устному испытанию на степень магистра.

До первой мировой войны подготовка к этим экзаменам занимала примерно четыре года или даже больше. В течение такого срока соискатели обычно на год-два уезжали за границу поработать с зарубежными знаменитостями в своей области. Но моя подготовка проходила в годы войны, в период, когда поездка за рубеж и работа с иностранными учеными стали невозможны. По данной причине я был вынужден заниматься в России без преимуществ занятий и консультаций с зарубежными специалистами. Некоторые из их работ военного времени продолжали каким-то образом поступать в университетскую библиотеку. Например, уже

в декабре 1916 г. мне удалось разыскать там трактат по общей социологии В. Парето, только что опубликованный в Италии.

Другие кандидаты в профессора были в сходном положении в годы войны. Несмотря на изоляцию от западной науки и зарубежного ученого сообщества во время первой мировой войны и еще большую изоляцию сразу после коммунистической революции, из нашей группы кандидатов вышло несколько всемирно известных ученых. Среди них были доктор Георг Гурвич, сейчас преподает в Сорбонне, Н. С. Тимашев, заслуженный социолог Гарвардского и Фордхэмского университетов, Макс Лазерсон, профессор конституционного права в Рижском университете и в университете Тель-Авива, а также научный сотрудник Фонда Карнеги. К ним следует добавить профессоров Н. Кондратьева, Т. Райнова и нескольких других. Из нашей группы вышли также некоторые политики: доктор Пийп, первый премьер-министр Латвии, первые государственные деятели Эстонии и коммунистические лидеры Карахан и другие.

Несмотря на большие препятствия, многие кандидаты в магистры из нашей группы, едва насчитывавшей около двадцати человек, сумели стать известными учеными и политиками. Это показывает, что отбор кандидатов для будущего профессорства был очень тщательным. Это также может означать, что полная свобода, предоставленная кандидатам в процессе их приготовления к высокой степени, является намного лучшим методом, чем американская «принудительная» система аспирантской подготовки, совершенно школярская по характеру, где все требуемые знания расписаны по лекционным курсам. Если в плодотворности нашей «военнонизированной» системы обучения сомневаются даже младшекурсники, то мне она представляется просто вредоносной для творческой оригинальности, если речь идет об аспирантах. Чем скорее американские университеты откажутся от школярства при подготовке аспирантов, тем лучше будет для всех: талантливых студентов, самих университетов и нации в целом.

Освобожденный от денежных забот, благодаря приличной стипендии, в течение

1914-1916 гг. я мог отдавать все свое время подготовке к магистерскому экзамену и социологическим исследованиям. С молодым задором отдавшись этим двум занятиям, я в рекордный срок — за два года вместо обычных четырех или более лет — подготовился и успешно сдал устный экзамен на степень магистра в октябре-ноябре 1916 года.

Еще раз подчеркну, что такой экзамен был сложнее, чем испытание на степень доктора философии в американских университетах. Во-первых, экзамен занимал четыре дня: день — на уголовное дело, день — на судопроизводство, день — на государственное право и последний — на написание обстоятельного эссе по теме, которую предлагала экзаменационная комиссия. Каждый день экзамена длился от трех до пяти часов. Во-вторых, в состав экзаменаторов входили не только члены специальной комиссии, создаваемой именно для этих целей, но и большинство профессоров всего Юридического факультета, объединявшего специалистов в областях права, экономики и политических наук. Поэтому круг вопросов, которые задавали профессора, были шире, а сами вопросы сложнее, чем на экзаменах в американских университетах, где в комиссию входят всего три-четыре члена.

После экзамена я получил звание «магистранта уголовного права», что позволяло мне стать приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Что касается степени «магистра» уголовного права, то я должен был представить одобренную университетской комиссией диссертацию и защитить ее в весьма напряженном диспуте с официальными оппонентами, назначенными университетом, неофициальными оппонентами и любым желающим высказаться из числа публики. День защиты магистерской или докторской диссертации был праздником, событием более важным, чем даже день игры университетской команды по американскому футболу или встреча выпускников прошлых лет в США. Дата диспута заранее объявлялась в университетских изданиях и во всех солидных газетах. Для диспута специально резервировали одну из самых больших аудиторий университета. На диспуте, который проводился под председательством рек-

тора или проректора, присутствовали все преподаватели соответствующего факультета, некоторые профессора с других факультетов, желавшие послушать защиту, много не университетских специалистов, многие студенты и большое количество заинтересованной публики.

При таком стечении народа диспут открывался и зачитывалась Curriculum vitae соискателя и список его основных публикаций и научных достижений. Затем каждый официальный оппонент высказывал критику работы, особо выделяя слабые или сомнительные места в ней. На высказанные критические замечания соискатель отвечал по пунктам каждому из выступавших. Вслед за официальными выступали неофициальные оппоненты — факультетские преподаватели, желавшие участвовать в обсуждении, внешние эксперты и, наконец, любой человек из числа присутствующих. На каждое из критических замечаний опять — таки диссертант должен был сразу же отвечать. Весь диспут обычно продолжался от пяти до семи часов.

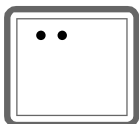
По завершении проводилось тайное голосование между всеми преподавателями факультета, пришедшими на диспут по поводу присвоения соискателю степени доктора или магистра. Вопрос решался большинством.

Обмен критикой и ответами на нее представлял собой одно из наиболее волнующих и возбуждающих зрелищ, которым я когда-либо был свидетелем. В этих научных дебатах стороны обнаруживали глубочайшее знание предмета, отличную логику, юмор, мудрость и блестящую оригинальность мысли. Это в самом деле была чудесная баталия зрелых и компетентных умов, столкнувшихся в совместном поиске истины и достоверных знаний. Как для участников диспута, так и для всех присутствующих на нем, это было ярчайшей демонстрацией интеллектуальных возможностей и настоящим академическим наслаждением. Понятно, что каждый такой диспут подробно освещался в прессе и служил темой для дискуссий в интеллектуальных кругах еще некоторое время после самого диспута. Я могу только глубоко сожалеть, что в американских университетах не бывает таких праздников мысли.

Из-за этого, так же как и из-за раздачи степеней влиятельным финансистам и политикам, не сделавшим никакого вклада в науку, наши

университеты серьезно отклонились от своего предназначения и уронили достоинство научной степени и свой научный престиж в целом.

Материал из книги “Долгий путь” П.А. Сорокина адаптировал для РВВ соб. инф.

Ж. Леруа, Н.В. Шалашова

Валютно-кредитное обеспечение внешнеэкономической деятельности Российской Федерации. Учебное пособие.

- М.: ГОУВПО ВАВТ, 2005. – 117 с.

Данное учебное пособие вышло под эгидой Всероссийской академии внешней торговли, высшей школы г. Бремена, Бизнес-школы Университета г. Сарагосы, Университета Париж – 12(XII) Валь-де-Марн в рамках Проекта Европейского союза ТЕМПУС (2002-2005) «Подготовка специалистов по финансовому менеджменту во внешней торговле в ВАВТ и учреждениях-партнерах».

Авторами книги являются доцент кафедры валютно-кредитных отношений ВАВТ, к.э.н. Н.В. Шалашова и профессор Университета Париж-12 12(XII) Валь-де-Марн Жан-Клод Леруа.

В работе показаны основные операции, обеспечивающие расчеты и кредитование внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации, которые рассматриваются как на основе международных правил и обычаев, сложившихся в этой области, так и опыта России по применению различных инструментов международного валютного рынка.

Валютная политика Российского государства неоднократно изменялась в последние годы под влиянием коренных преобразований в экономической жизни страны. В настоящее время основные положения по ее проведению определены в Федеральном законе от 10 декабря 2003 г. «О валютном регулировании и валютном контроле», введенном в действие 18 июня 2004 г. Анализируются изменения, внесенные этим законом в осуществление валютных операций и контролем за их проведением в РФ.

Важнейшее значение во всем мире придается сейчас проблеме борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем и финансированием терроризма. В работе рассматривается мировой опыт создания системы финансового контроля за «отмыванием» преступных доходов и российский опыт создания подобной системы.

Глава «Международные валютные отношения: проблема управления валютным риском» подготовлена профессором Университета Париж-12 12(XII) Валь-де-Марн Жан-Клод Леруа. В ней рассмотрены основные виды рисков, возникающих из-за неблагоприятного изменения курсов валют, анализируется международный опыт по хеджированию валютных рисков и, прежде всего, современные методы использования производных инструментов форвардного валютного рынка для страхования валютного риска.

Для эффективного осуществления расчетов и кредитования внешнеэкономической деятельности необходима надежная банковская система, использующая современные методы управления и проведения банковских операций. В работе отслежена эволюция банковской системы России, деятельность уполномоченных банков по проведению валютных операций, обслуживающих внешнеэкономические связи страны.

Книга предназначена для студентов, аспирантов и специалистов по валютно-финансовым аспектам внешнеэкономической деятельности.
